

Михайловская, Л. Л. [Рецензия] / Л. Л. Михайловская // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск, 2008. — Вып. 3. — С. 284–287. — Рец. на кн.: Tokarz, G. *Zarys historii polski piastow i jageiionyw. analiza politologiczna* / G. Tokarz. — Wroclaw: Oficyna wydawnicza arboterum, 2007 — 267 s.

GRZEGORZ TOKARZ. *Zarys historii polski piastow i jageiionyw. analiza politologiczna.*

wroclaw : oficyna wydawnicza arboterum. 2007. 267 s.

Научная и научно-популярная литература, посвященная истории средневековой Польши, может составить целую библиотеку. В ней присутствуют проблемные, обзорные и сюжетные исследования, которые по-разному, зачастую с противоположных позиций, освещают и оценивают историю Польского государства. В кругу новых научных трудов рецензируемая монография занимает заметное место. Несмотря на то что автор употребил для названия своей книги довольно легковесный термин «очерк», она является глубоким и содержательным исследованием (общий объем 267 страниц). В ней предпринята попытка на основе современных подходов по-новому проанализировать и интерпретировать факты, события и явления, из которых на протяжении столетий складывался процесс становления и развития средневековой польской государственности.

Основной предмет исследования — политическая культура и политическая власть в Польше, реализуемая в средневековых политических системах и политических отношениях, как внутренних, так и международных.

Хронологические границы исследования Г. Токажа весьма обширны и охватывают IX—XVI вв. (от Мешко I до Сигизмунда Августа). Это широкое хронологическое пространство позволило автору выделить, проследить и оценить исторические закономерности, формы и особенности политического развития Польши. Соответственно хронологическому объему и целям исследования подобран фактический материал, извлеченный из важнейших нарративных источников. Попутно следует заметить, что анализ, характеристики этих источников и комментарии к ним составляют самостоятельный и исключительно интересный фрагмент изложения.

Структура монографии вполне традиционна. Книга начинается вступлением, которое вводит читателей в задачи исследования, в круг источников, в принципы и методику их использования как «детей эпохи» — с осторожностью, бережно и критично. Собственно исследование включает 5 объемных разделов, разделенных на 15 подразделов. Каждый раздел посвящен правлению князей и королей, деятельность которых рассматривается как этап в развитии политического устройства Польши. Так, в соответствующих разделах логически последовательно освещена политическая история правления нескольких династий: Пястов, Анжуйской, Ягеллонов.

Первый раздел — «Польша первых Пястов» — посвящен периоду формирования и развития польской патримониальной монархии (X—XII вв.), совпадающий с правлением князей от Мешко I до Болеслава Кривоустого. Автор анализирует внутренние и внешние факторы складывания Польского государства в геополитическом пространстве Восточной Европы, соотношение его этнических и административных границ. Несомненно, этот процесс происходил в сложных внешнеполитических условиях. Границы Древней Польши, несмотря на их большую протяженность, были легко проницаемы и уязвимы. Поэтому стремление польских князей к расширению государственной территории до естественных рубежей («do morza») было оправданным в условиях постоянной угрозы со стороны Священной Римской империи и борьбы с ней за

господство на Балтике, перманентного соперничества с Чехией за лидерство в центральноевропейском регионе и периодических конфликтов с киевскими князьями из-за Червенских городов. Эти внешнеполитические векторы были определяющими в течение столетий. Рассматривая внутреннюю и внешнюю политику первых Пястов, автор оценивает их как подлинных «строителей», заложивших мощную крепость Польского государства. Именно на этом фундаменте происходило его дальнейшее развитие. Однако этот процесс не был линейным.

Во втором разделе — «Удельное дробление и попытки его преодоления» — рассматриваются объективные причины кризиса и гибели патримониальной монархии как корпоративной собственности всего правящего

рода, каждый из представителей которого имел право на часть власти и часть государственной территории. Исторические закономерности вели державу Пястов, изнутри сотрясаемую династической борьбой и народными языческими восстаниями, а извне — ударами соседей, к политическому распаду.

Весьма интересным сюжетом раздела является анализ неоднозначной роли внешних факторов в усилении процесса дробления — Священной Римской империи и Руси. При этом, с одной стороны, раздробленная Польша испытывала давление со стороны немцев, которые использовали княжеские конфликты как повод для вмешательства во внутренние дела, польские земли стали объектом немецкой экспансии (активная колонизация, утверждение Тевтонского ордена на Балтике), с другой — польские магнаты (малопольская группировка) осуществляли собственную экспансию в русские земли (Галичину), что укрепляло сепаратистские тенденции.

Завершая раздел, автор рассматривает основные предпосылки преодоления раздробленности. Среди важнейших политических факторов он выделяет объединительную политику силезских Генрихов, союз с Чехией, сорванный усилиями империи, и орденскую экспансию как мощный катализатор централизации. Объединительный процесс на польских землях начинался в отдельных княжествах (Силезия, Куявия), внутри которых шло складывание тех институтов, которые позднее стали политической основой единого Польского королевства. Восстановление территориально-административного единства и возрождение королевской власти Владиславом Локетком (1320) автор считает важнейшей основой для развития новых государственно-политических структур.

Третий раздел — «Правление Казимира Великого и Анжу» посвящен исследованию истории Польского королевства на небольшом хронологическом отрезке времени и не велик по объему, но чрезвычайно важен для понимания дальнейшего хода и перспективы развития польских властных и политических форм.

Анализируя правление Казимира Великого и Людовика Анжуйского (Венгерского), автор отмечает, что возрожденное государство не было реанимацией патримониальной монархии первых Пястов. Это была качественно новая политическая конфигурация, в которой власть передавалась по наследству и была вынуждена опираться на княжеско-магнатские группировки. Эта система, подчеркивает автор, стала зародышем того уникального политического строя, который через несколько столетий оформился в Польше. Таковы причины того, что начавшийся в Польше процесс феодальной централизации чрезвычайно затянулся и по существу так никогда и не был завершен, о чем свидетельствует законодательство Казимира.

Со смертью Казимира Великого пресеклась династия Пястов и был создан, по оценке автора, «опасный прецедент» перехода верховной власти в чужие руки. С этого момента начинается принципиально новый

период в развитии Польского государства — период личных уний с правителями, которые связывали с Польшей лишь собственные династические интересы.

По верной оценке автора, польско-венгерская уния не оправдала внешнеполитических надежд малопольских магнатов, однако Кошицкий привилей Людовика (1374) положил начало «золотым вольностям» — мощного оружия шляхты в борьбе с королевской властью. С этого времени рычаги государственной политики берут в свои руки малопольские магнаты, определившие и избрание Ядвиги (Хедвиг) Анжуйской «польским королем», и ее брак с литовским князем Ягайло.

Исключительный интерес с позиций политологии представляют четвертый и пятый разделы монографии, посвященные правлению династии Ягеллонов, в которых рассматривается внутреннее политическое устройство и внешняя политика Польского королевства в XIV—XVI вв.

Важнейшими политическими тенденциями правления первых Ягеллонов (Ягайло, Владислава Варненчика и Казимира Ягеллончика) автор считает становление институтов сословной монархии, политическое объединение Польского королевства с ВКЛ, возрастание международного значения Польско-

товского государства, ставшего в XV в. доминирующей силой в Восточной Европе.

Характеризуя внутренние и внешние предпосылки и содержание Кревского договора, автор рассматривает Орденское государство как главного врага польско-литовского сближения, однако замечает, что именно агрессия крестоносцев стала внешним фактором Кревской унии. Несмотря на тенденциозность источников (и польских, и литовских), автор справедливо подчеркивает, что каждая из сторон нуждалась в союзе, в то же время формы его виделись по-разному. Уния, с польской стороны, была бегством от Габсбургов и одной из форм восточной экспансии, а с литовской — спасением от внешнего врага — Ордена или Москвы.

Автор дает негативную, но вполне объективную оценку и избранию Ягайло, и всему унитарному процессу (от Крево до Люблина), которая так обоснованно не звучала в польской историографии со времен Я. Длугоша. Ягеллоны, в преобладающем большинстве, были слабыми королями. Время наивысшего могущества династии (вторая половина XV — первая четверть XVI в.), когда они обладали огромным территориально-политическим комплексом в Восточной и Центральной Европе (Польша, ВКЛ, Чехия, Венгрия), стало периодом ослабления и упадка королевской власти, периодом политического всевластия можновладства.

Вполне обоснован и правомочен тезис автора о том, что внешним показателем влияния и могущества Ягеллонов были отношения с Орденом и Великим княжеством Литовским. Несмотря на блестящую победу союзников, одержанную на Грюнвальдском поле, реализовать и развить ее результаты не удалось ни в военном, ни в международно-политическом, ни в морально-психологическом аспектах. После Грюнвальда на протяжении половины столетия между Короной и Орденом фактически сохранялся *status quo*. Присоединение же Гданьского Поморья по Торуньскому миру (1466) было осуществлено, главным образом, благодаря внутреннему кризису Орденского государства и силами бюргерской оппозиции. Сопrotивляясь польской экспансии и инкорпорации, правители ВКЛ вели сложную дипломатическую игру с Орденом, рассматривая его как возможного гаранта собственной независимости, что косвенно подтверждает проект коронации Витовта.

Уния, заключенная в Крево, была юридически разорвана уже после смерти Ядвиги (1399), но политические аргументы, инспирировавшие ее действие, не утратили актуальности в течение всего периода правления Ягеллонов.

Характеризуя правления Казимира Ягеллончика, автор подробно останавливается на польско-литовских противоречиях. Оба государства, соединенные только личностью общего монарха, имели собственные внешнеполитические приоритеты. В то время как Польша пыталась решить проблему возврата Поморья, Литва стремилась расширить свое влияние в русских землях и не принимала участия в Тринадцатилетней войне с Орденом (1454—1466). Основная проблема польских политиков, как совершенно справедливо отмечает автор, состояла в невозможности координировать эти противоположные векторы. Корона находилась в сложном положении. Активизация западного вектора грозила разрывом союза с ВКЛ и потерю огромных территорий, а развитие экспансии на востоке предвещало поражение на западе.

По мнению автора, именно в это время польские правящие круги сделали исторический выбор: отказ от активной политики на западе (половинчатое решение орденской проблемы, приведшее в перспективе к возникновению агрессивной Пруссии) и широкая экспансия на востоке, вовлекающая Польшу в иное геополитическое пространство. В этом пространстве ключевыми проблемами являлись отношения с Москвой и Крымом, особенно обострившиеся после объявления Иваном III программы собирания своих «отчин и дедин», которые входили в состав ВКЛ и Польши.

Пятый раздел рецензируемой книги — «Последние Ягеллоны» — логически продолжает анализ проблем правления династии, главными из которых автор считает политический феномен Речи Посполитой и пробле

му польского абсолютизма как специфического института шляхетской демократии. С конца XV в. для обозначения Польского королевства в источниках употребляется термин «Rzecz Pospolita Polska».

Активная внешняя политика, которая осуществлялась силами рыцарства, оказывала определяющее влияние на государственное устройство. Шляхта, осознавая свое значение в государстве, проявляла себя как социальная сила и требовала от верховной власти все больше прав и привилегий. Королевская власть в лице Яна Ольбрахта была еще более ослаблена за счет укрепления позиций сейма и привилегий шляхты.

При Александре, согласно Радомской конституции, король вообще утратил прерогативы законодательной функции, а отчаянные попытки Сигизмунда Старого обуздать магнатию никакого успеха не имели. Этот период в истории польской государственности, по мнению автора, стал «точкой невозврата», тем пунктом, откуда переход к абсолютизму и централизации был уже невозможен.

Образование «Речи Посполитой обоих народов» автор оценивает как «политический эксперимент» в истории Польши, усиливший проявившиеся еще ранее тенденции (дальнейшее ослабление королевской власти, перерождение шляхетской демократии в магнатскую олигархию, усиление восточной доминанты во внешней политике). Люблинская уния охарактеризована как значительное событие, определившее всю последующую историю Польши.

Несомненно, образование огромного по территории и численности населения государства коренным образом меняло геополитическую ситуацию в Центральной и Восточной Европе. Однако слабо централизованное, сложенное из народов разных исторических традиций, языков и конфессий, оно являлось, по выражению автора, «колоссом на глиняных ногах». Период его могущества был коротким и ограничился разгромом Московского государства в Ливонской войне (1582), а также заключением династической унии с Москвой (1610), так никогда и не ставшей политической реальностью.

Подводя итоги своему исследованию и косвенно анализируя причины падения Речи Посполитой как государства, автор обвиняет польское жонновладство, которое во имя своих корпоративных интересов «торговало интересами государства», увлекая его в чужие территории на востоке, ставшие для него «балластом».

Автор приходит к выводу о том, что политика Ягеллонов находилась в противоречии с деятельностью Пястов, которые понимали, что наибольшая внешняя угроза для Польши исходит именно с Запада — от Священной Римской империи. В исторической перспективе изменение приоритетов привело к тому, что Польское государство, тесно связанное с Великим княжеством Литовским, не могло выдержать войны на два фронта. Оно «упорно конфликтовало с восточным соседом, вместо того, чтобы решать проблемы с западным». Эти выводы, сделанные автором, представляются глубоко обоснованными.

В монографии Г. Токажа впервые в историографии подвергнута глубокому анализу эволюция средневековой польской государственности как исторического феномена, не имеющего аналогов. Предложенный автором метод политологической интерпретации исторического материала может стать основой для аналогичных исследований других европейских государств или отдельных периодов истории Польши.

Проблема генезиса, характера и форм польской государственности имеет непреходящее научное значение, поскольку она занимает центральное место во всей истории польского народа, формирует национальное самосознание поляков, ее анализ с позиций политологии может служить бесценным опытом для политических прогнозов и оценок.

Исследование Г. Токажа заслуживает самой высокой оценки как по методу исследования, так и по аргументации, и по сделанным выводам. Она написана интересно и доступна широкому кругу читателей.

Л. Л. Михайловская, доцент кафедры истории южных и западных славян БГУ, кандидат исторических наук